

УДК 911.3:711.4

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УБИЙСТВ В РОССИИ В 1990-2014 ГГ.

Бадов А. Д.

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация

E-mail: badov@list.ru

Излагаются результаты анализа особенностей динамики убийств и покушений на убийство в России за 1990–2014 гг. Исследуются изменения по федеральным округам и регионам страны. Выявлены факторы, оказывающие влияние на территориальную дифференциацию показателей коэффициентов убийств и покушений на убийство. Для подавляющего большинства регионов РФ выявлена четкая корреляция между числом убийств и размещением пенитенциарных учреждений, а также зависимость коэффициентов убийств от других криминогенных факторов. Выявлен тренд роста коэффициентов убийств при движении с запада на восток. Определены меры по оптимизации ситуации в регионах с наиболее высокими коэффициентами убийств (Республика Тыва, Забайкальский край).

Ключевые слова: преступления против личности, убийства и покушения на убийство, территориальная дифференциация, динамика, факторы, коэффициенты.

ВВЕДЕНИЕ

Группа преступлений, объединенная общим названием «преступления против личности», включает в себя убийства и покушения на убийства, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, убийства и покушения на изнасилование. Эта группа преступлений направлена непосредственно против личности и поэтому всегда привлекает внимание ученых самых различных направлений. Исследование преступлений против личности тем более актуально в настоящее время, в период изменения структуры преступлений, роста числа тяжких и особо тяжких преступлений, к которым относятся противоправные деяния против личности [1, с. 54]. К преступлениям против личности относят еще несколько видов противоправных деяний, однако перечисленные выше происходят чаще всего, именно по ним производит разработки Госкомстат России [1, с. 54].

Выявить основные тенденции по данным видам преступлений в мире во времени и пространстве крайне сложно. Это связано с различиями в подходах к данным видам противоправных деяний в разных странах. Кроме того, в той же России изменения Уголовного кодекса ведут за собой изменения в статистике [4, с. 65].

Преступления рассчитываются как в абсолютных (единицы), так и в относительных показателях (коэффициенты): коэффициенты убийств и покушений на убийство (K_y), коэффициенты умышленного причинения тяжкого вреда здоровью ($K_{вз}$) и коэффициенты изнасилований и покушений на изнасилование (K_n) [4, с. 65].

При исследовании географии убийств и покушений на убийство необходимо учитывать особенности российского законодательства. В нашей стране умышленное убийство двух и более человек регистрируется как одно преступление, совершенное при отягчающих обстоятельствах. В других странах подходы иные. Так, в США

умышленные убийства регистрируются по жертвам (одна жертва – одно убийство, несколько жертв – несколько убийств). Такой подход можно считать более справедливым. Статистика преступлений становится более точной [4, с. 67]. Таким образом, только эти два положения существенным образом оказывают влияние на статистику убийств, они работают на снижение числа зарегистрированных деяний и не дают возможность провести сравнение с другими странами [5; 6].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В бытность СССР статистика умышленных убийств не вызвала каких-либо особых опасений. Среднегодовой темп прироста этих преступлений составлял 2,8 %. В России в 1992–2003 гг. темпы прироста увеличились в 1,8 раза – до 5,1%. Общемировая тенденция такова: темпы прироста численности населения и числа умышленных убийств отстают от темпов роста общей преступности [4, с. 67]. В СССР эта тенденция сохранялась даже несмотря на увеличение темпов роста убийств в последние годы существования страны. Но с развалом государства были нарушены все тенденции. Темпы роста числа убийств были выше, чем темпы роста численности населения и общей преступности. С некоторыми перерывами (например, в 1996–1998 гг.) темпы роста числа умышленных убийств стремительно нарастали вплоть до 2002 г. Но «смутные времена» закончились, и статистика убийств показала удивительные результаты. В 1990 г. доля убийств в общей преступности составляла 1,04 %, в 2002 г. – 0,98 %, а в 2014 г. – 0,54 %. Тенденция улучшения ситуации налицо. Темпы снижения числа умышленных убийств в 2002–2014 гг. были значительно выше, чем общей преступности. Благодаря серьезным изменениям в политической и социально-экономической ситуации снизился уровень общей преступности, в частности и умышленных убийств.

В 1990 г. в разрезе федеральных округов ситуация выглядела следующим образом (табл. 1): 1) бесспорным «лидером» был Сибирский ФО (0,2 ‰), во главе с ведущим регионом в области убийств – Республикой Тыва (0,495 ‰); 2) весьма высокий K_y наблюдался в Дальневосточном ФО (0,148 ‰); самые низкие K_y наблюдались в Северо-Кавказском (0,081 ‰) и Центральном (0,085 ‰) ФО, это в 2,3 раза меньше, чем в Сибирском ФО [3, с. 27].

За 1990–2002 гг. K_y в целом по России вырос почти в 1,7 раза. Наиболее высокие темпы роста наблюдались в Северо-Западном, Северо-Кавказском и Уральском округах. Ниже всего темпы прироста были в Сибирском и Приволжском округах. Неравномерная динамика темпов роста привела к смене мест округов в рейтинге K_y . В 2002 г. самые низкие K_y наблюдались в Южном и Приволжском округах (по 0,80 ‰), а самые высокие – в Дальневосточном (0,33 ‰) и Сибирском (0,32 ‰, табл. 1).

В 2003–2014 гг. наблюдалось резкое (в 2,7 раза) снижение K_y . Падение было настолько существенным, что показатели 2014 г. (0,082 ‰) были на треть ниже показателей 1990 г. (0,130 ‰).

Таким образом, Россия уже в третий раз за последние 40 лет пошла вразрез с общемировыми тенденциями. Последний пример имеет, конечно, положительное свойство. Бурный рост числа убийств был с лихвой компенсирован в период после 2002 г.

Самые высокие темпы снижения наблюдались в Северо-Кавказском округе (почти в четыре раза), самые низкие – в Сибирском (41,8%) и Дальневосточном (46,7%) округах.

В целом за 1990–2014 гг. K_y в России снизился ровно на треть. Только на Дальнем Востоке наблюдалось некоторое повышение K_y (101%). В остальных округах K_y снизился и наиболее заметно в Северо-Кавказском (58,3%) и Южном (58,1%) округах.

Таблица 1.

Динамика коэффициентов убийств и покушений на убийство в России за 1990–2014 гг. [7]

	K_y , ‰			Динамика, %		
	1990 г.	2002 г.	2014 г.	2002 г. к 1990 г.	2014 г. к 2002 г.	2014 г. к 1990 г.
РФ	0,130	0,220	0,082	169,2	37,3	63,1
ЦФО	0,085	0,170	0,058	200,0	34,4	68,2
СЗФО	0,086	0,210	0,081	244,2	38,6	94,2
ЮФО	0,105	0,190	0,061	220,9	32,1	58,1
СКФО	0,084	0,200	0,049	238,1	24,5	58,3
ПФО	0,99	0,190	0,075	191,9	39,5	75,7
УрФО	0,126	0,290	0,102	230,2	35,2	80,9
СФО	0,200	0,320	0,134	160,0	41,8	67,0
ДФО	0,148	0,330	0,154	223,0	46,7	104,0
КФО			0,052			

По показателям в 2014 г. федеральные округа России можно подразделить на 1) с очень низким K_y (менее 0,050 ‰), СКФО; 2) с низким K_y (0,050–0,070‰), КФО, ЦФО, ЮФО; 3) со средним K_y (0,071–0,100 ‰), СЗФО, ПФО; 4) с высоким K_y (0,101 ‰ и более), УрФО, СФО, ДФО.

В разрезе регионов в 1990-м году складывалась следующая ситуация. В число регионов с низким уровнем K_y (менее 0,07‰) входили Белгородская и Мурманская области, Москва, Санкт-Петербург, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Башкирия. В число регионов с высоким K_y (более 0,15 ‰) входили Алтай, Тыва, Хакасия, Иркутская и Кемеровская области, Якутия, Усть-Ордынский АО. Соотношение между минимальным (Москва, 0,049 ‰) и максимальным (Тыва, 0,495 ‰) составляло 1:10 [2, с. 72].

В группу регионов с низким K_y входили только территории европейской части России, большинство из них – представители Северного Кавказа. В группу регионов с высоким K_y вошли территории Сибири и Дальнего Востока.

В 2002 г. в группу регионов с низким K_y входили Белгородская, Калужская, Курская, Липецкая, Тамбовская и Пензенская области, Москва, Адыгея, Дагестан, Кабардино-Балкария, Краснодарский край, ЯНАО. В группу регионов с высоким K_y (более 0,31 %) вошли Коми, Ненецкий АО, Калмыкия, Чечня, Пермская, Курганская, Иркутская, Читинская и Сахалинская области, Коми-Пермяцкий АО, Бурятия, Тыва, Эвенкийский АО, Усть-Ордынский Бурятский АО, Якутия, Приморский и Хабаровский края, Корякский АО, Еврейская АО. Соотношение между минимальным (Дагестан, 0,07 %) и максимальным показателями составило (Чечня, 0,65 %) – 1:9.

Таблица 2.

Группировка регионов России по коэффициентам убийств и покушений на убийство в 2014 г

Очень низкий K_y , менее 0,050	Низкий K_y , 0,051–0,079	Средний K_y , 0,080–0,99	Высокий K_y , 0,100–0,199	Очень высокий K_y , 0,200 и выше
1	2	3	4	5
Чеченская (0,021), Москва (0,031), Белгородская (0,039), Рязанская (0,049), Санкт-Петербург (0,049), Адыгея (0,033), Дагестан (0,049)	Воронежская (0,056), Ивановская (0,052), Тамбовская (0,059), Краснодарский (0,052), Астраханская (0,057), Кабардино-Балкария (0,051), Самарская (0,054), Ставропольский (0,052), Саратовская (0,053), Крым (0,051)	Брянская (0,086), Владимирская (0,088), Московская (0,080), Вологодская (0,084), Тюменская (0,089), Алтайский (0,087), Новосибирская (0,086), Смоленская (0,091), Тверская (0,095), Калмыкия (0,049)	Карелия (0,123), Коми (0,122), Ненецкий (0,139), Архангельская (0,130), Ленинградская (0,101), Новгородская (0,105), Псковская (0,102), Карачаево-Черкесия (0,107), Пермский (0,100), Курганская (0,161), Свердловская (0,106), ЯМАО (0,102),	Алтай (0,224), Бурятия (0,205), Тыва (0,443), Забайкальский (0,225), Чукотская (0,216)

Продолжение таблицы 2.

Очень низкий K_y , менее 0,050	Низкий K_y , 0,051–0,079	Средний K_y , 0,080–0,99	Высокий K_y , 0,100–0,199	Очень высокий K_y , 0,200 и выше
1	2	3	4	5
Ингушетия (0,043), Северная Осетия (0,048), Мордовия (0,047)	Севастополь (0,055), Костромская (0,060), Курская (0,060), Липецкая (0,062), Тульская (0,062), Ярославская (0,064), Калининградская (0,062), Волгоградская (0,063), Ростовская (0,066), ХМАО (0,068), Омская (0,065), Калужская (0,079), Орловская (0,072), Мурманская (0,070), Марий Эл (0,079), Татарстан (0,075), Удмуртия (0,075), Чувашская (0,075), Кировская (0,073), Нижегородская (0,075), Ульяновская (0,076).	Оренбургская (0,091)	Челябинская (0,109), Хакасия (0,165), Красноярский (0,111), Иркутская (0,171), Кемеровская (0,148), Томская (0,106), Якутия (0,150), Камчатская (0,101), Приморский (0,169), Хабаровский (0,142), Амурская (0,163), Магаданская (0,165), Сахалинская (0,142), Еврейская (0,118)	Алтай (0,224), Бурятия (0,205), Тыва (0,443), Забайкальский (0,225), Чукотская (0,216)

В группу регионов с низким K_y , наряду с территориями европейской части страны, вошел Ямало-Ненецкий АО, а в группу с высоким K_y , кроме территорий Сибири и Дальнего Востока, вошли также регионы Урала и юга России.

За 2002–2014 гг. в России произошли существенные изменения в рейтинге регионов по K_y (табл. 2). Самый низкий K_y оказался у Чеченской Республики. В регионе за короткие сроки сумели преодолеть негативные тенденции и существенно снизили число убийств и других особо тяжких преступлений. Тыва, наоборот, после некоторых успехов вновь оказалась «лидером» по коэффициентам убийств. Соотношение между минимальным (0,021 ‰, Чечня) и максимальным (0,443 ‰, Тыва) показателями составило 1:24.

В Тыве остается стабильно высокий коэффициент убийств: 0,495 ‰ в 1990 г., 0,747 ‰ в 1995 г., 0,880 ‰ в 2001 г., 0,860 в 2002 г., 0,765 ‰ в 2003 г. и 0,443 ‰ в 2014 г. Тем не менее определенные успехи, по сравнению с началом 2000 гг., в Тыве достигнуты были.

В 2014 г. в группе с очень низким K_y преобладала европейская часть. Исключение – только ХМАО и Омская область. В группе со средним K_y наблюдался уже некоторый паритет европейских и азиатских регионов. В группе с высоким K_y преобладали регионы Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а в группе с очень высоким K_y преобладали регионы Сибири и присутствовал один регион Дальнего Востока (Чукотка).

ВЫВОДЫ

Таким образом, тренд повышения числа умышленных убийств с запада на восток Российской Федерации сохранился. Этот тренд сохраняется на протяжении длительного времени, с тех пор, когда в Сибирь ссылали каторжников. В Сибири и на Дальнем Востоке до сих пор сосредоточено значительное число учреждений пенитенциарной системы (УПС). Если доля населения Уральского, Сибирского и Дальневосточного ФО составляет 25,8 % от всего российского, то доля УПС этих регионов – 34,3 %. Только в УПС Красноярского края содержится 33 тыс. чел., в Кемеровской области – 29,9 тыс. чел., в Челябинской – 27,1 тыс. Это крупнейшие регионы России по числу содержащихся заключенных [1, с. 144].

Между тем была выявлена взаимосвязь между числом содержащихся заключенных и уровнем преступности в регионе. Лица, освобожденные из мест лишения свободы, не имея источников легальных доходов и постоянного места жительства, совершают новые преступления в тех регионах, где расположены исправительные учреждения [1, с. 21].

Помимо этого в восточной части страны имеются значительные и разнообразные природные ресурсы (золото, алмазы, лес, морские ресурсы), за которые между различными криминальными группировками идет настоящая война. Правоохранительными органами ведется борьба с «черными лесорубами» по их вытеснению с лесного рынка, предпринимаются энергичные шаги по декриминализации отрасли [1, с. 23].

Выявленная весьма сложная ситуация в Республике Тыва требует незамедлительной оптимизации ситуации. Несколько лучше положение в общероссийском «лидере» по общей преступности – Забайкальском крае.

Как уже упоминалось выше, в Чеченской Республике в кратчайшие сроки сумели выправить положение. Тем не менее полностью копировать методы руководства Чечни было бы неправильным: другой менталитет и совершенно другая новейшая история.

Некоторые элементы противостояния криминальным процессам в Чечне можно было бы применить в такой специфичной республике, как Тыва. Однако, прежде всего, здесь необходимо постепенно менять образ жизни населения, вовлечь его в трудовую деятельность. Срочно решать проблему снижения общей преступности, убийств и покушений на убийство необходимо в Забайкальском крае, где особенно в отдаленных районах наблюдается высокий уровень безработицы, падение нравов, люмпенизация населения и, как следствие, чрезвычайный рост преступности.

Список литературы

1. Бадов А. Д. География преступности в России в постсоветский период. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. 333 с.
2. Бадов А. Д., Макоев Х. Х. Региональные особенности преступности на Северном Кавказе в постсоветский период // Известия Русского географического общества. 2009. Т. 141. Вып. 3. С. 70–76.
3. Бадов А. Д., Макоев Х. Х. Урбанизация и проблемы преступности // Экология урбанизированных территорий. 2008. № 4. С. 26–29.
4. Бадов А. Д. География преступности в России: изменения за постсоветский период // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2009. № 2. С. 64–69.
5. Бадов А. Д. Геокриминогенное положение как фактор преступности // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 2. С. 48–51.
6. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1997. 525 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели: 2015. М.: Росстат, 2015. 1266 с.

REGIONAL PECULIARITIES OF MURDERS IN RUSSIA IN 1990-2014.

Badov A. D.

*North Ossetian State University after K.L. Hetagurov, Russia
E-mail: badov@list.ru*

The analysis results of the specifics of murders and assassination attempts dynamics in Russia for the period 1990-2014 are presented. Changes in federal districts and regions of the country are investigated. Factors influencing the territorial differentiation of murder rates and assassination attempts are revealed. When examining the geography of murders and attempted murders, it is necessary to take into account the specifics of Russian legislation. In our country, the deliberate killing of two or more people is registered as one crime committed under aggravating circumstances. In other countries there are different

approaches. For example, in the USA, premeditated murders are registered by victims (one victim - one murder, several victims - several murders). This approach can be considered more just. The statistics of crimes becomes more precise. Thus, only these two provisions have a significant impact on the statistics of murders, they work to reduce the number of registered acts and do not allow comparison with other countries. A trend for the growth of homicide rates from west to east is observed. This trend has been continuing for a long time, since when convicts were sent to Siberia. For the vast majority of Russian regions, there is a clear correlation between the number of murders and the location of penitentiary institutions, as well as the dependence of murder rates on other criminal factors. A large number of penitentiary institutions are still concentrated in Siberia and the Far East. So, if the share of the population of the Ural, Siberian and Far Eastern Federal Districts is 25.8% of the total Russian population, the share of penitentiary institutions there is 34.3%. In the Krasnoyarsk Territory alone there are 33 thousand incarcerated people, in the Kemerovo region - 29.9 thousand people, in the Chelyabinsk region - 27.1 thousand. These are the largest regions of Russia in terms of the number of detainees held. Measures to optimize the situation in the regions with the highest murder rates have been identified (the Republic of Tyva, the Trans-Baikal Territory).

Keywords: Crimes against the person, murders and attempted murders, territorial differentiation, dynamics, factors, coefficients.

References

1. Badov A. D. Geografija prestupnosti v Rossii v postsovetskij period (Crime geography in Russia in the post-Soviet period). Vladikavkaz: SOGU (Publ.), 2009, 333 p. (in Russian).
2. Badov A. D., Makoev H. H. Regional'nye osobennosti prestupnosti na Severnom Kavkaze v postsovetskij period (Regional features of crime in the North Caucasus in the post-Soviet period). Izvestija Russkogo geograficheskogo obshhestva (Publ.), 2009, no. 3, tom 141, pp.70–76 (in Russian).
3. Badov A. D., Makoev H. H. Urbanizacijai problem prestupnosti (Urbanization and Crime Problems). Jekologija urbanizirovannyh territorij , 2008, no. 4, pp. 26–29 (in Russian).
4. Badov A. D. Geografija prestupnosti v Rossii: izmenenija za postsovetskij period (Crime Geography in Russia: changes in the Post-Soviet Period). Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 5. Geografija, 2009, no. 2, pp. 64–69 (in Russian).
5. Badov A. D. Geokriminogennoe polozhenie kak factor prestupnosti (Geographically determined position as a factor of crime. Izvestija RAN. Serija geograficheskaja), 2009, no. 2, pp. 48–51 (in Russian).
6. Luneev V. V. Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii (Crime of the twentieth century. World, regional and Russian trends: World Criminological Analysis). Moscow: Norma (Publ.), 1997, 525 p.(in Russian).
7. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli: 2015. (Regions of Russia. Socio-economic indicators: 2015). Moscow: Rosstat (Publ.), 2015, 1266 s. (in Russian).

Поступила в редакцию 12.06.2017.